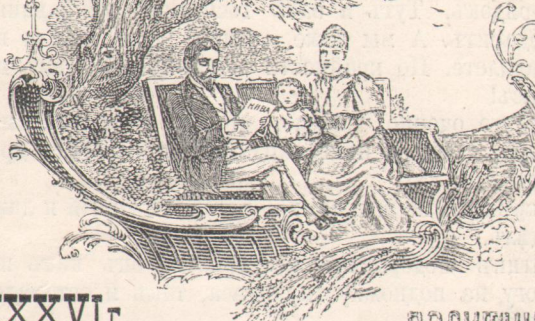

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 13

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 2-го апрѣля 1905 г.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за апрѣль 1905 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1905 г. съ 58 рис. и отдѣльн. листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. велч. и 4 рис. выжиганія.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1905 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . . **6 р. 50 н.**

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. И. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи. **7 р. 25 н.**

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Римшевская, 12. **7 р. 50 н.**

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . . **7 р. 50 н.**

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . . . **8 р.** За
границу. **12 р.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1/2 года съ доставкою въ СПБ. 4 р., съ перес. во всѣ мѣста Россіи 4 р.; на 1/4 года съ доставкою въ СПБ. 2 р., съ перес. иногороднымъ 2 р.

Навстрѣчу жизни.

Романъ **В. А. Тихонова.**

(Продолженіе).

Воротникова тронула эта встрѣча, но, боясь размякнуть, онъ твердилъ себѣ: «Да, да! все это такъ! А вотъ посмотримъ, какъ дальше-то будетъ, какъ вы на мои реформы пойдете!»

Въ столовой уже кипѣлъ самоваръ, стояли крынки съ молокомъ, масло, хлѣбъ. Вертѣлась тутъ и «толстый духъ».

Константинъ Федоровичъ сѣлъ на свое мѣсто, а Нина Сергѣевна заняла свое—на диванѣ. Она ни о чемъ не спрашивала сына, ни въ чемъ не упрекала, а только смотрѣла на него, да стирала время отъ времени набѣгавшія на глаза слезы.

«Ну, что же вы плачете? Вѣдь, вотъ, не женился же я!»—хотѣлъ-было сказать ей Константинъ Федоровичъ, но не сказалъ. Другая мысль, пришедшая ему въ это время въ голову, остановила его: «Не женился, но изъ этого не слѣдуетъ, что не женюсь».—подумалъ онъ.

— А что, Артюшка и Степанъ ушли?—спросилъ онъ мать.

— Ушли, мерзавцы! Ушли, негодяи!—закудала та.—Ну, и Иванка Слюзинъ тоже хорошг! Моихъ работниковъ переманивать сталъ!

— Слюзинъ тутъ ни при чемъ,—перебилъ ее Костя.—Если бы у насъ хорошо жилось, такъ никуда бы никто не ушелъ.

— Да чѣмъ же у насъ нехорошо живется?—удивилась Нина Сергѣевна и нахмурилась.

Слезы сразу высохли у нея на глазахъ.

— А должно-быть не сладко, если уходятъ,—сказалъ Константинъ Федоровичъ и сейчасъ же раскаялся:

«Ну, зачѣмъ онъ обидѣлъ мать? Столько

Письмо. Скульптура М. Л. Диллонъ. По фот. авт. «Нивы».

времени не видалась, она такъ сердечно встрѣтила его, а онъ сразу же начинаетъ говорить ей непріятности», — зашевелилось у него въ головѣ.

«Ой-ой-ой! Сейчасъ размякну!» — вдругъ испугался онъ этихъ мыслей и, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, сказалъ:

— Ну, сейчасъ мы о хозяйственныхъ дѣлахъ говорить не будемъ. Я всю ночь сегодня не спалъ и усталъ страшно.

— Такъ поди и усни, — уже мягче сказала она ему.

И Костя, допивъ чай и поцѣловавъ у матери руку, прошелъ въ свою комнату.

«Да, пора, пора выйти изъ-подъ этой опеки, — думалъ онъ, раздѣваясь и укладываясь въ постель. — Все это, вѣдь, мое, и я въ отвѣтъ и передъ людьми, и передъ своей совѣстью, что дѣло идетъ не такъ, какъ оно должно идти».

«А, вѣдь, встрѣча-то вышла совсѣмъ не такова, — подумалъ онъ вслѣдъ затѣмъ и даже улыбнулся. — Вѣрно, маменька на этотъ разъ не въ шутку перепугалась и присмирѣла теперь. Такъ надо же ковать желѣзо, пока горячо. Ни одной уступки! Ни въ одномъ словѣ, ни въ одномъ шагѣ. Но съ чего начать? Впрочемъ, теперь не время объ этомъ думать. Надо сначала выспаться».

И онъ скоро уснулъ крѣпкимъ и здоровымъ сномъ на своей привычной постели.

XXX.

На другой день Константинъ Федоровичъ выѣхалъ въ Малые Воротники. Строго говоря, это было опять малодушное бѣгство, — «но бѣгство, — утѣшалъ онъ себя, — на этотъ разъ — временное и необходимое».

Онъ отступалъ какъ бы для того, чтобы лучше разбѣжаться и дальше прыгнуть.

«Тамъ все обдумаю, разработаю и ужъ съ готовой программой вернусь сюда».

Маменька на этотъ разъ не особенно протестовала. Правда, ей непріятна была и эта отлучка сына, и простилась она съ нимъ сухо и холодно, но безпокоилась меньше: въ Малыхъ Воротникахъ никакихъ опасностей не предвидѣлось.

«Побунтуешь, да и угомонится», — думала она про себя.

Вся дворян и батраки, узнавъ о новомъ отъѣздѣ молодого барина, опять приуныли: его хвастливыя обѣщанія того, что теперь все пойдетъ по-новому, уже распространенныя кучеромъ Архимомъ среди обитателей Большихъ Воротниковъ, не оправдывались, и вмѣсто новаго Константинъ Федоровичъ опять покидаетъ ихъ на руки старой барыни, которая за послѣднее время какъ-то особенно «люта» стала.

И когда Воротниковъ уже садился въ тарантасъ, къ нему, еще издали снявъ шапки, подошли три мужика. Это были тоже его работники, и работники, что называется, не изъ послѣднихъ.

— Вамъ что? — спросилъ онъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Да намъ бы расчетъ, Константинъ Федоровичъ! — проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Какъ расчетъ? — притворно удивился тотъ. — Въ такую-то пору! Въ самую страду! И вы хотите оставить меня?

— Оно дѣйствительно... конечно... Но и силъ нашихъ больше не хватаетъ... Отощали, на работѣ замаялись... Каждый, конечно, о себѣ думаетъ... А тутъ еще эти штрафовки...

— Какія штрафовки? — удивился Константинъ Федоровичъ.

— Да барыня на насъ штрафы налагать начала: чуть что не такъ, сейчасъ тебѣ то гривенникъ, то полтинникъ, а то и весь рубль въ книжку запишутъ.

— Штрафы? — переспросилъ Воротниковъ и взглянулъ на стоящую на крыльцѣ мать.

— Ну, что ты съ ними разговариваешь? — сердито за-

говорила та. — Вотъ я пошла сегодня за исправникомъ, такъ онъ имъ внушить, какъ среди работы уходить!

— Что-жъ намъ внушать? Мы и безъ эстаго знаемъ! — повышая голосъ, заговорилъ одинъ изъ мужиковъ. — А ежели насъ на работѣ морить, да тухлятиной кормить, да еще наши же рабочія деньги удерживать — такъ это ужъ не порядокъ. Тутъ и васъ господинъ исправникъ не поблагодарить. А мы даже очень рады, ежели вы за нимъ пошлете. По крайности посмотреть, чѣмъ вы кормите насъ!

— Даже это очень хорошо, что за исправникомъ! Мы, пожалуй, сами за нимъ сходимъ! — подхватилъ другой работникъ.

— Не крѣпостные мы вамъ! — вставилъ третій и даже шапку надѣлъ.

Константинъ Федоровичъ растерялся: онъ какъ поставилъ ногу на подножку тарантаса, такъ и оставался въ этой позѣ.

— Пойдите, ребята, — сказалъ онъ, наконецъ. — Теперь мнѣ некогда разбирать дѣло, вы видите — я уѣзжаю! Но я скоро вернусь! Даю вамъ слово, — а вы знаете, я никогда васъ не обманывалъ, — что я все это измѣню. А теперь заранѣе же вамъ объявляю, что никакія штрафныя деньги съ васъ взысканы не будутъ!

— Это еще что за новости! — вскрикнула Нина Сергѣевна и сдѣлала даже шагъ впередъ.

— Это не новости, маменька! Эта крайняя необходимость! Иначе мы совсѣмъ безъ людей останемся! — рѣзко отвѣтилъ Константинъ Федоровичъ и торопливо сѣлъ въ тарантасъ.

— Да они меня теперь, послѣ твоихъ словъ, и слушать не станутъ, — кричала Нина Сергѣевна. — Да я на самого тебя поѣду предводителю дворянства жаловаться!

— Ребята! — обратился Воротниковъ къ работникамъ. — Я вамъ далъ слово! Дайте же и вы мнѣ слово теперь, что до моего пріѣзда вы будете работать по-прежнему. Штрафныя — повторяю вамъ — слагаю!

— А какъ же насчетъ пищи-то? — спросилъ третій работникъ, снимая шапку.

— Насчетъ пищи я уже сдѣлалъ сегодня утромъ распоряженіе старостѣ Ефрему и денегъ ему даже далъ на приварокъ. А пока идите и работайте съ Богомъ! Трогай, Архипъ!

— Стой! Стой! — закричала Нина Сергѣевна.

Но Архипъ, все время улыбавшійся въ свою лопатообразную бороду, сразу далъ лошадямъ ходу.

— Стой! — крикнула еще разъ старуха и, взмахнувъ руками, опустилась на рундукъ крыльца.

Горничная Дуныша, вертѣвшаяся тутъ же, едва успѣла подхватить ее.

Воротниковъ не видалъ этой сцены. Насупившись, сидѣлъ онъ въ тарантасѣ, блѣдный, съ трясущейся нижней губой, и глаза его упрямо смотрѣли куда-то впередъ.

«Въ разгромъ пошло! Въ разгромъ! — шепталъ онъ про себя. — Вотъ до чего довела она дѣло своею скардностью! А виноватъ во всемъ я, съ моей уступчивостью! Съ моей безхарактерностью! Тридцать три года — сиднемъ сидѣлъ, а на тридцать четвертомъ всталъ, поѣхалъ, да и запынствовалъ! Нѣтъ! Такъ продолжать нельзя! Стыдъ! Срамъ! Позоръ! Во всей губерніи скоро притчей во языцѣхъ станемъ! И я долженъ, долженъ все измѣнить это! Но какъ сдѣлаю я это одинъ? Господи! Хотъ бы кто-нибудь помогъ мнѣ!»

Дорога въ Малые Воротники шла въ веретѣ отъ Пайны, и Константинъ Федоровичъ велѣлъ свернуть туда.

Тамъ ему всѣ очень обрадовались, но только удивлены были его разстроеннымъ видомъ.

Константинъ же Федоровичъ, оставшись вдвоемъ съ Тополевымъ, рассказалъ ему все.

— Да, Костя! Пора, пора, голубчикъ! — подтвердилъ Николай Васильевичъ. — Про васъ, т.-е. про твою маменьку, дѣйствительно, повсюду толки идутъ. Но только,

зачѣмъ ты въ Малые Воротники уѣзжаешь? Здѣсь у васъ и хозяйство значительно больше, и дѣло важнѣе, а въ Малыхъ-то и Курпрянковъ хорошо справляется.

— Силъ набраться ѣду! Въ рѣшимости своей утвердиться!—отвѣтилъ Воротниковъ.

— Ну, когда такъ, давай тебѣ Богъ! Поѣзжай! Но теперь ты отъ насъ дальше будешь!

— Ну, что за дальше! Всего двадцать пять верстъ!

— Такъ не забывай ты насъ! Заглядывай!

— Видишь, не забываю.

Его накормили обѣдомъ и проводили. Лидія Александровна была съ нимъ очень мила, но смотрѣла на него съ какимъ-то сожалѣніемъ, словно Константинъ Федоровичъ чѣмъ-нибудь боленъ былъ. Ольга Сергѣевна на этотъ разъ была неразговорчива, но она все время какъ-то, особенно пристально всматривалась въ Воротникова.

И когда Николай Васильевичъ, послѣ его отъѣзда, сказалъ дамамъ, что Костя, въ сущности, очень хороший человѣкъ и даже съ добрымъ сердцемъ, но только маменькинъ гнетъ искалѣчилъ его, Ольга Сергѣевна, подумавъ немного, проговорила:

— Мнѣ кажется, что такіе люди, какъ онъ, на полной свободѣ существовать не могутъ. Но только рука, правящая имъ, должна быть мягка и любяща.

Николай Васильевичъ послѣ этого взглянулъ на нее и подумалъ:

«А вотъ, кажется, твои бархатныя лапки какъ нельзя болѣе подходящи для этого».

Пріѣхавъ въ Малые Воротники, Константинъ Федоровичъ сейчасъ же принялся за работу. Обревизовавъ все дѣло, онъ почти вполнѣ остался доволенъ своимъ управляющимъ Курпрянковымъ, старикомъ изъ до-гла разорившихся дворянъ. Но кое-какія упущенія онъ, все-таки, нашелъ. На нихъ-то вотъ и налегъ онъ.

Но прошло три-четыре дня, и все вошло въ свою колею, и Константину Федоровичу не оставалось больше уже никакого дѣла. Возвращаться же въ Большіе Воротники ему все еще не хотѣлось. Ему казалось, что онъ не успѣлъ выработать полного плана борьбы съ маменькинскимъ режимомъ, и, вмѣсто Большихъ Воротниковъ, поѣхалъ въ Пайну.

— А знаешь, Костя, у насъ новости!—были первыя слова, которыми встрѣтилъ его Николай Васильевичъ.—Маменька твоя къ намъ съ визитомъ пріѣзжала.

— Да ну?—удивился Константинъ Федоровичъ.

— Да, да! Еще какъ передъ моею женой извинялась, что такъ долго не отвѣчала ей на ея визитъ!

— Ну, ну! Рассказывай, рассказывай!—торопилъ его Воротниковъ.

— Ну, а дальше, конечно, Ольгой Сергѣевной занялась. И потѣха, право, съ мѣста же нашептала ей разныхъ небылицъ про тебя! И главное то, что ты боленъ, боленъ какимъ-то затаеннымъ и неизлѣчимымъ недугомъ. Но Ольга была хорошо предупреждена нами и, конечно, только слушала, да на усъ мотала.

— Старая исторія!—улыбнулся Воротниковъ и пошелъ къ дамамъ.

Въ этотъ пріѣздъ ему удалось долго и съ глазу на глазъ поговорить съ Каменской. Они вдвоемъ гуляли по парку, и Константинъ Федоровичъ, въ приливъ какой-то мало свойственной ему откровенности, рассказалъ Ольгѣ всю свою жизнь, всѣ свои муки, весь свой душевный разладъ. И былъ до глубины души растроганъ той чуткой отзывчивостью, съ которой она выслушала его исповѣдь.

И когда они вернулись домой, Воротниковъ уже влюбленными глазами смотрѣлъ на эту дѣвушку.

За обѣдомъ зашелъ разговоръ о тѣхъ реформахъ, которыя Костя имѣлъ въ виду произвести въ своихъ имѣніяхъ.

Николай Васильевичъ дѣлалъ по этому поводу раз-

ные, болѣе или менѣе грандіозные проекты, но отъ всѣхъ нихъ отзывало какимъ-то мечтательнымъ легкомысліемъ, и Воротниковъ былъ даже недоволенъ, что завелъ этотъ разговоръ.

Но вотъ Ольга Сергѣевна, наслушавшись достаточно разглагольствованій beau-frère'a, посмотрѣла своими большими глазами на Воротникова и тихо, но твердо сказала:

— Эхъ, Константинъ Федоровичъ! Сѣйте-ка вы рожь, а васильки ужъ сами вырастутъ.

— Святые слова!—почти восторженно проговорилъ Воротниковъ.

— Не знаю, чьи они, но ихъ любилъ повторять мой покойный отецъ,—заклчила Ольга Сергѣевна.

Изъ Пайны Константинъ Федоровичъ уѣхалъ какимъ-то растроганнымъ. Тихая грусть была у него на сердцѣ: такъ не хотѣлось ему расставаться съ этой милой, симпатичной дѣвушкой.

А вернувшись къ себѣ, въ Малые Воротники, онъ почувствовалъ какую-то необычайную пустоту вокругъ. Дѣлать ему было нечего, да ему и не хотѣлось ничего дѣлать, руки опускались, томила душа.

Сидѣть въ Малыхъ Воротникахъ ему положительно было не зачѣмъ, но и уѣхать отсюда, вернуться къ маменькѣ—онъ, не рѣшивъ ничего, не могъ.

И вотъ, на третій день, онъ вдругъ написалъ письмо Николаю Васильевичу Тополеву, умоляя того пріѣхать къ нему *по очень важному дѣлу*. И послалъ это письмо съ верховымъ нарочнымъ.

Тополевъ пріѣхалъ въ тотъ же день къ вечеру.

— Коля!—сказалъ ему Воротниковъ.—Ты, вѣдь, любишь меня?

— Ну, люблю,—отвѣтилъ Тополевъ.

— Такъ помоги же мнѣ! Я хочу жениться на кузинѣ твоей жены, на Ольгѣ Сергѣевнѣ Каменской—помоги мнѣ! Николай Васильевичъ расхохотался.

— Такъ чего-жъ тутъ помогать? Пріѣзжай, да дѣлай предложеніе,—сказалъ онъ.

— Да выйдетъ ли она за меня?

— А ужъ этого я не знаю.

— Такъ вотъ, я и прошу тебя: разузнай, поговори, посовѣтуй! И потомъ дай знать мнѣ.

— Видишь ли,—заговорилъ Николай Васильевичъ,—она дѣвушка очень умная, на жизнь смотреть просто, безъ фантазій. Въ ней много практичности. Кромѣ того, она бѣдна, кромѣ того, ты ей симпатиченъ, кромѣ того, какъ бы это тебѣ сказать... на бракъ она смотреть... ну, какъ бы тебѣ это сказать... ну, вотъ, въ родѣ того, что «сѣйте рожь, а васильки сами вырастутъ!» Однимъ словомъ—взвѣсьте шансы, а любовь и послѣ придетъ. Для тебя она, конечно, жена... кладъ. Только, вотъ, какъ маменька?! Не испугается ли она ее?

— Николай! Скажи Ольгѣ Сергѣевнѣ, что для меня жена будетъ дороже матери,—твердо выговорилъ Воротниковъ.

— По Писанію, значитъ: «Оставь отца своего и мать свою и прилпнися къ женѣ своей?» Что-жъ, одобрило! Только хватитъ ли силъ у тебя на противодѣйствія?

— У одного—нѣтъ! Но вмѣстѣ съ ней на все хватить,—увѣренно сказалъ Константинъ Федоровичъ.

— Да, пожалуй! У Оленьки, знаешь, характеръ-то стальной, гнется, да не ломится.

— Мнѣ такую и нужно.

— Вѣрно,—согласился Николай Васильевичъ.

Тополевъ уѣхалъ на другое утро, а черезъ сутки изъ Пайны прискакалъ нарочный съ лаконической запиской. «Пріѣзжай. Она—согласна».

XXXI.

Съ замираніемъ сердца ѣхалъ теперь въ Пайну Константинъ Федоровичъ. Онъ вѣрилъ и не вѣрилъ своему счастью.

«Вѣдь это полное обновленіе жизни,—думалъ онъ.—И какое хорошее, славное обновленіе! Рука объ руку съ этой дѣвушкой я человѣкомъ стану!»

Навстрѣчу иконы. Картина К. И. Савицкого, арт. «Нивы».

Въ распутицу. Картина К. Вещилова, авт. «Нивы».

И призрак маменьки больше не пугалъ его. Ему казалось, что теперь сломить ея волю—не трудно будетъ. Теперь онъ не одинъ, теперь есть человекъ, ради котораго онъ пойдетъ на какую-угодно борьбу.

И все ему кругомъ улыбалось—и эти поля, съ золотистой рожью, и эти, убѣгающіе въ даль, лѣса, и эти свѣтлыя рѣчки, черезъ которыя переѣзжалъ онъ, и эти славные, добрые кони, которые везли его, и этотъ широко-спинный кучеръ Архипъ, который навѣрное сочувствовалъ ему.

А вотъ и Пайна, вотъ и дворъ тополеваго дома, вотъ и зеленая рѣшетка, отдѣлявшая паркъ отъ двора, а вонъ чья-то стройная фигура, быстро идущая по темной, липовой аллеѣ. Воротниковъ узналъ ее, онъ выскочилъ изъ тарантаса и бросился прямо въ паркъ. Навстрѣчу ему шла Ольга.

— Помогите мнѣ!—сдавленнымъ голосомъ проговорилъ онъ и, заплакавъ, припалъ къ протянутымъ ему рукамъ молодой дѣвушки.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, на террасѣ собрался уже семейный совѣтъ, т. е. Топольевъ съ женой, да женихъ съ невестой—и началось обсужденіе дальнѣйшаго плана дѣйствій.

Николай Васильевичъ предлагалъ свадьбу убѣгомъ, но все выходило какъ-то такъ, что не женихъ похитить невесту, а невеста похитить жениха—и они гдѣ-нибудь тайно обвѣнчаются.

Ольга Сергѣевна категорически этому воспротивилась.

— Никакихъ тайнъ, никакихъ хитростей! Все должно быть просто, прямо и открыто. Константинъ Федоровичъ человекъ совершеннолѣтній, и никто помѣшать ему жениться не можетъ, даже родная мать.

— Совершенно вѣрно!—согласился Воротниковъ, все болѣе и болѣе укрѣпляясь на борьбу съ маменькой.

Лидія Александровна предложила—было, чтобъ молодые, послѣ свадьбы, совершили *voyage des noces* куда-нибудь за границу, но Ольга Сергѣевна возразила и противъ этого.

— Нѣтъ,—твердо сказала она:—у Константина Федоровича теперь будетъ много дѣла и дома, и убѣжать ему отсюда нельзя. А за границей успѣемъ побывать когда-нибудь и послѣ, когда все обомнется и приладится.

И съ этимъ Константинъ Федоровичъ вполне согласился.

А затѣмъ, рѣшено было, что Воротниковъ, переночевавъ въ Пайнѣ, завтра утромъ отправится къ маменькѣ и объявить ей все. А послѣзавтра Топольевы съ невестой пріѣдутъ къ ней съ визитомъ, и что вообще со свадьбой тянуть нечего, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. А что поселятся они въ Большихъ Воротникахъ, предоставивъ маменькѣ на выборъ: остаться съ ними или переѣхать въ Малые.

— Тяжело тебѣ будетъ съ ней, Ольга!—говорила Лидія Александровна.

— Почему же тяжело?—улыбаясь, спрашивала молодая дѣвушка:—я изъ всего заключаю, что Нина Сергѣевна очень любитъ своего сына, а если и я буду его любить, то мы уживемся! И тоже полюбимъ другъ друга...

И опять замирало сердце у Константина Федоровича, но теперь уже оттого, что онъ подвѣзжалъ къ Большимъ Воротникамъ.

Маменьки дома не было: она ушла куда-то въ поле, и Константинъ Федоровичъ этому не мало обрадовался. У него было время, чтобы привести свои нервы въ порядокъ и спокойно встрѣтить ее.

Нина Сергѣевна вернулась къ обѣду. Увидавъ сына, она довольно сухо поцѣловала его въ лобъ и сказала:

— Пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ, маменька, и съ большою, радостною новостью,—отвѣтилъ Костя, нѣжно цѣлуя руку у матери.

— Что такое?—сейчасъ же, насторожившись, спросила она.

— Женюсь я, маменька, вотъ что! И на этотъ разъ уже рѣшительно и безповоротно!—весело говорилъ Константинъ Федоровичъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и не замѣчая, что Нина Сергѣевна, блѣдная, какъ полотно, стоитъ съ широко раскрытыми глазами и даже разинутымъ ртомъ.

— Да! Женюсь!—между тѣмъ продолжалъ онъ.—И какъ счастливо! Какъ удачно! Знаете, я теперь даже радуюсь, что всѣ мои прежнія сватовства разстроились. Тѣ, помилуйте! Какія же тѣ были невесты! А вотъ эта! Что за чудная! Что за прекрасная дѣвушка! Да вы ее видѣли! Это кузина Лидія Александровны Топольевой. Правда, какъ, вѣдь, она хороша! И умна, и воспитана, и съ характеромъ! Лучшей невесты мнѣ никогда уже больше не найти. Не правда ли, маменька?

Но Нина Сергѣевна молчала. Теперь уже она безпомощно сидѣла на диванѣ и какъ-то дико смотрѣла на блѣлую кафельную печку.

Взглянувъ на нее, Константинъ Федоровичъ даже испугался, но сейчасъ же напрягъ всѣ свои силы, чтобы не раскиснуть, и, подбадривая себя словами: «крѣпись! крѣпись! Ни одного шага, ни одного слова уступки!»—продолжалъ:

— Вы знаете, что она, вѣдь, тоже родилась и выросла въ деревнѣ; знаетъ толкъ въ хозяйствѣ и любитъ дѣло. Она дворянка, хорошаго рода и будетъ намъ чудной помощницей.

— Безириданница!—съ трудомъ, наконецъ, выговорила Нина Сергѣевна.

Константинъ Федоровичъ дѣланно размѣялся.

— Ну, знаете, маменька!—заговорилъ онъ опять.—Мнѣ за приданымъ гоняться нечего. У насъ, слава Богу, такое состояніе, что и на нашъ вѣкъ хватить, да и дѣтямъ будетъ что оставить. Завтра она съ Топольевыми пріѣдетъ сюда, и вы насъ благословите, маменька!

— Не благословлю!—выговорила Нина Сергѣевна.

— Нѣтъ, маменька, благословите,—настойчиво повторилъ Константинъ Федоровичъ:—потому что жениться-то мы все равно женимся. Ну, а безъ вашего благословенія, все-таки, это какъ-то неудобно будетъ.

Нина Сергѣевна встала, ушла въ свою комнату и заперлась тамъ.

Константинъ Федоровичъ, уже чувствуя, что побѣда на его сторонѣ, наскоро пообѣдалъ и сейчасъ же, не ложась отдыхать, ушелъ осматривать свое хозяйство. Онъ уже успѣлъ соскучиться о немъ и теперь веселый, радостный ходилъ онъ по своимъ владѣніямъ, ободряя работниковъ, отдавая разныя приказанія, отмѣняя нѣкоторыя прежнія.

И всѣ почему-то, по его жизнерадостному и бодрому взгляду, чувствовали, что наступаетъ новая, счастливая полоса.

Матери своей онъ въ этотъ день такъ и не видалъ. А на утро она вышла въ столовую, блѣдная, съ распухшими глазами, осунувшаяся и сразу постарѣвшая на нѣсколько лѣтъ.

— Вы бы, маменька, все-таки сегодня пріодѣлись немного, потому что моя невеста съ Топольевыми пріѣдетъ,—сказалъ онъ.

— Не буду! Не стану! Ничего не буду!—сердито и глухо проговорила Нина Сергѣевна.

— Напрасно, маменька! Васъ же осудятъ.

— Уйди ты съ глазъ моихъ! Видѣть тебя не могу!—прохрипѣла Нина Сергѣевна.

— Я-то уйду! Мнѣ по хозяйству надо, а вы, все-таки, передѣвнитесь. Такъ-то оно лучше будетъ!—сказалъ Константинъ Федоровичъ и, взявъ фуражку, вышелъ изъ столовой.

Долго еще сидѣла Нина Сергѣевна за самоваромъ, видимо совершенно забывъ про стоявшую передъ ней чашку чая. Затѣмъ она съ трудомъ поднялась и опять

ушла въ свою комнату. А черезъ полчаса она позвала къ себѣ туда Дуняшу.

— Помоги мнѣ переодѣться! Дай мнѣ сѣрое поплиновое платье,—сказала она ей.

Дуняша достала изъ шкапа платье и, подавая его Нинѣ Сергѣевнѣ, весело заявила:

— А я сейчасъ, барыня, въ городъ уѣзжаю.

— Въ какой еще городъ? Куда? Зачѣмъ? — угрюмо спросила старуха.

— Да къ себѣ въ городъ, въ губернской, къ тятенькѣ! Совсѣмъ уѣзжаю. Константинъ Федоровичъ ужъ считалъ меня и подводу велѣлъ приготовить, — весело шепетала «толстый духъ».

«Вонъ оно что!»—подумала про себя Нина Сергѣевна и, помолчавъ немного, не безъ труда спросила:

— И тебѣ не жаль?

— Вѣстимо, жаль! Что-жъ, Константинъ Федоровичъ всегда ко мнѣ добры и ласковы были. Да вотъ и теперь наградили хорошо! Только, какъ я дѣвушка молодая, мнѣ надо и о своей судьбѣ подумать. Тоже замужъ пора выходить.

— А меня не жаль?—опять спросила Нина Сергѣевна.

Дуняша помолчала немного и, слегка заминаясь, отвѣтила:

— Конечно, и васъ жаль! Что-жъ, и вы меня, вѣдь, не обижали.

— Иди! Больше ничего не нужно, — сказала Нина Сергѣевна, сама застегивая крючки у лифа.

— Ну, такъ прощайте, барыня!

И, поцѣловавъ Нину Сергѣевну въ плечо, Дуня весело юркнула изъ комнаты.

— Безчувственная! Просто кусокъ сала! — подумала ей вслѣдъ старая барыня.

Къ двѣнадцати часамъ Константинъ Федоровичъ былъ уже дома. Онъ переодѣлся въ черный сюртукъ и самъ дѣлалъ распоряженія къ приему гостей: повару было приказано шоколадъ сварить, а изъ погреба онъ досталъ залежавшіяся тамъ двѣ бутылки шампанскаго. Маринкѣ и Аниськѣ приказано было умыться, приодѣться почише, да не забыть башмаки надѣть.

Маменька все время не выходила изъ комнаты.

Ровно въ полдень тополева коляска остановилась у подъѣзда воротниковскаго дома. Константинъ Федоровичъ самъ выбѣжалъ на крыльцо и, весь сіяющій, встрѣтилъ дорогихъ гостей.

— Видь у тебя хорошъ! Стало-быть, и дѣла обстоятъ благополучно,—сказалъ Николай Васильевичъ.

Воротниковъ только утвердительно головой кивнулъ: онъ въ это время высаживалъ дамъ, почтительно цѣлуя ручки у той и у другой.

Ольга смотрѣла на него добрымъ, ласкающимъ взглядомъ.

Вошли въ гостиную, куда почти сейчасъ же ввалились Аниська и Маринка: одна съ подносомъ, на которомъ стояли чашки съ шоколадомъ, другая съ корзиной пересохшаго печенья.

Маменька все еще не выходила.

Константинъ Федоровичъ извинился и пошелъ за ней.

Ольга осматривала комнату, смотрѣла въ окно на окружающія домъ службы, какъ бы знакомясь съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ей предстояло жить и властвовать.

— Богатство громадное! Внесите только сюда свою свѣтлую душу, и здѣсь—рай будетъ!—говорилъ ей Николай Васильевичъ.

А Ольга думала:

«Какъ хорошо можно жить, имѣя такія средства. Сколько можно людямъ добра сдѣлать!»

Константинъ Федоровичъ въ это время вошелъ въ комнату матери и весело, словно удивительно радостную для нея новость, объявилъ:

— Приѣхали, маменька! Пойдемте же къ нимъ!

Нина Сергѣевна машинально встала и пошла за сыномъ. Слезъ на глазахъ ея больше не было: она всѣ уже ихъ выплакала.

Проходя черезъ столовую, она увидѣла двѣ бутылки шампанскаго, обернутыя въ салфетки, раскрытый буфетъ, а на столѣ крошки англійскаго печенья и мѣдную кастрюлю съ шоколадомъ.

«Теперь ужъ не по-моему здѣсь будетъ! Теперь все въ разоръ пойдетъ!»—подумала она.

— Ну, вотъ, маменька! Позвольте вамъ представить мою невѣсту! — какъ-то особенно громко проговорилъ Константинъ Федоровичъ, входя въ гостиную.

Молодая дѣвушка быстро подошла къ Нинѣ Сергѣевнѣ и наклонила голову.

Старуха стояла молча и не шевелилась. Тогда Ольга Сергѣевна сама осторожно взяла ея руку и нѣжно поцѣловала ея старыя, сморщенные пальцы.

Маменька вздрогнула отъ этого прикосновенія и, пересиливая себя, сдѣлала видъ, что цѣлуетъ въ голову невѣсту своего сына.

Въ это время къ ней подошли Лидія Александровна и Тополевъ. Холодно поздоровалась она и съ ними. А затѣмъ медленно прошла къ дивану и сѣла на свое обычное мѣсто. Сѣла она какъ-то особенно прямо и даже приподняла кверху голову, какъ бы говоря:

— «Здѣсь еще я хозяйка! Здѣсь еще вся моя власть!»

Но въ это время взгляды ея упали на эту молодую, скромную и стройную дѣвушку, стоявшую рядомъ съ ея сыномъ,—и сердце Нины Сергѣевны такъ быстро забилось, что она даже взялась рукою за бокъ.

Еще въ первый разъ у Тополевыхъ, увидавъ Каменскую, Нина Сергѣевна какъ-то инстинктомъ почувствовала, что съ этой скромницей, съ этой умницей ей, пожалуй, и не подь силу бороться было бы. Но Костенька тогда проѣхалъ въ Малые Воротики, и она, измученная и безъ того его долгимъ пребываніемъ въ губернскомъ городѣ и уставшая отъ тревогъ, поддалась искушенію отдохнуть и успокоилась.

«Вотъ и прокараулила,—думала она теперь. — Вотъ и прокараулила!»

(Продолженіе будетъ).

Не осуждай за то поэта,
Что пѣснь его не весела,
Взгляни:—На небѣ нѣтъ просвѣта,
Вездѣ кругомъ печаль и мгла.

Ему нужны иныя краски,
Горячій лучъ и ночи тьма,
Мечты полетъ и грѣзы сказки.
А здѣсь и холодъ, и тюрьма.

Онъ здѣсь чужой въ краю туманномъ,
Здѣсь чуждъ ему нашъ пошлый людъ.

Къ другимъ странамъ, къ странамъ желаннымъ
Мечты души его влекутъ.

И онъ томится здѣсь въ неволѣ,
Туманный день его гнететъ,
И онъ съ тоской о горькой долѣ
И прошлой юности поетъ.

Поетъ, какъ въ жизни ждалъ разсвѣта,
Но тотъ разсвѣтъ закрыла мгла...
Такъ не кляни-жъ за то поэта,
Что пѣснь его не весела.

Вн. Ф. Косаткинъ-Ростовскій.

Миніатюры.

К. Льдова.

Симфонія.

Огромное кирпичное здание съ плоскою кровлей. Матовый свѣтъ льется сквозь закоптѣвшія стекла.

Машины, машины, машины. Тяжело дышать раскаленныя печи. Удары молотовъ. Шипя, извиваются безконечныя бурые ремни. Сверлильный скрежетъ, скрипъ зубчатыхъ колесъ; бряцаніе, звяканье, стукъ, лязгъ и грохотъ.

Тысячи звуковъ сливаются въ мѣрные раскаты, въ странную симфонію шумовъ.

Оглушенный, стою на порогѣ. А сердце стучитъ такъ громко, точно въ грудь мою съ размаха бьютъ, бьютъ тупымъ, безошаднымъ молотомъ.

Подхожу ближе—и вдругъ различаю въ грохотѣ машинъ человѣческой говоръ. Что это? Самообманъ утомленного слуха? Призрачный отголосокъ вѣшняго міра?.. Неужели тамъ, въ нѣдрахъ желѣзныхъ чудовищъ, стонутъ мыслящія существа, томятся живыя души?

Проходитъ еще нѣсколько мгновеній. Все такъ же безстрастно

Муза. Картина М. Врубеля, авт. «Нивы».

гудить симфонія шумовъ. Я начинаю сознавать свою ошибку: въ кирпичномъ зданіи нѣтъ ничего, кромѣ работающихъ машинъ!

Только нѣкоторыя передвижныя части ихъ такъ удивительно похожи на людей и говорятъ, какъ люди.

Учитель.

Онъ шелъ по главной улицѣ многолюднаго города.

Озабоченныя лица торопливо мелькали около него. Всѣ спѣшили, точно боясь опоздать на поѣздъ.

Онъ пристальнымъ, глубокимъ взоромъ всматривался въ

Свобода.

Дверь захлопнулась. Дважды щелкнулъ ключъ, повернутый въ замкъ равнодушною рукою.

Заключенный опустился на войлочную койку. Исхудалое лицо, обрамленное темными, посѣдѣвшими на вискахъ, волосами, непрерывной смѣной выраженія обличало упорную работу пытливой мысли.

Узникъ презрительно усмѣхнулся.

Они воображаютъ, что эти каменные стѣны остановятъ полетъ моей мысли! Точно весь ихъ призрачный міръ, съ

Группа офицеровъ и добровольныхъ сестеръ милосердія, прибывшихъ изъ Портъ-Артура въ Одессу: Курилова, Ермакова, Васильева, Иванова, Скреплева, Неленина, Соколова, Куриловъ, поруч. Августовскій и заурядъ-прапорщикъ Писаревичъ. По фот. авт. «Нивы».

прохожихъ, но ни одинъ изъ нихъ не остановился и не прѣтствовалъ его.

Никто не узналъ его, хотя въ отрывочномъ говорѣ чаще всѣхъ другихъ звучало его имя.

На перекресткѣ движеніе кипѣло водоворотомъ. Стражъ едва удалось очистить путь для пышной процессіи.

Везли прахъ усопшаго владыки. Передъ колесницей шли въ парчевыхъ ризахъ служители церкви. Клирное пѣніе оглашало улицу, вздымалось надъ притихшею толпою, колебалось въ мутномъ туманѣ и уносилось все выше и выше, утопая въ безпредѣльной лазури!

Поровнявшись съ нимъ, колесница на мгновеніе остановилась. Изъ-подъ чернаго покрыва донесся глухой, подавленный возгласъ:

— Ты опоздалъ, учитель!

Онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, еще слишкомъ рано.

Никто не слышалъ этихъ словъ. Клирное пѣніе заглушило его голосъ.

воображаемыми перегородками, не былъ для меня такою же тюрьмою. Если душа моя вырвалась изъ заколдованнаго круга чувственныхъ самообмановъ, — если она постигла, что истинный просторъ найдеть только въ самой себѣ, въ своемъ восторженномъ вдохновеніи, ее не смутитъ уже никакое насиліе...

Съ потолка упалъ обломокъ штукатурки. Заключенный поднялъ его и тихо засмѣялся.

— А, вотъ и желанная свобода!

Онъ быстро вскочилъ съ койки, наклонился и провелъ извѣстною блѣдною чертою поперекъ пола.

— Теперь и у меня есть свой запретный рубежъ! Отъ моей воли зависитъ переступить его. Но я не переступлю: я хочу быть свободнымъ.

Диссонансъ.

Узкая колея извивалась по склонамъ каменистой гряды. Три вагона и паровозъ, точно червякъ, ползли по рельсамъ. Въ вагонѣ было душно и тѣсно. Я смотрѣлъ въ окно, съ усиліемъ вдыхая разрѣженный, раскаленный воздухъ.

Георгиевские кавалеры—нижние чины 2-го эскадрона приморского драгунского полка. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы»

Георгиевские кавалеры—чины 2-го эскадрона офицеров приморского драгунского полка.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Георгиевские кавалеры—нижние чины приморского драгунского полка. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Георгиевские кавалеры—нижние чины 146-го царицынского полка. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Георгиевские кавалеры—нижние чины барнаульского полка. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Праздник штаба 4-го сибирского корпуса в д. Хуаньшань. Торжественный молебен. По фот. нашего корреспондента В. К. Булла, авт. «Нивы».

Какое мертвое заустыбіе! Пыльный песокъ, сѣрые камни... Ни жилья, ни растительности.

Не вѣрилось, что тысячелѣтія тому назадъ къ этимъ отрогамъ примыкала цвѣтущая розами и лиліями долина. Неужели здѣсь зеленѣли виноградники, колосился ячмень, шумѣли широколиственными головами стройныя пальмы?

Дверь вагона распахнулась. Прозвучалъ спокойный, равнодушный голосъ:

— Станція Иерусалимъ.

Невозможное... и несомнѣнное сочетаніе этихъ словъ рѣзануло меня, словно пожомъ. Я взглянулъ на своихъ спутниковъ. Изморенные духотой и зноемъ, они по-прежнему молчали, напоминая скученный скотъ въ трюмѣ парохода.

Какъ позавидовалъ я паломникамъ, въ былыя времена на колѣняхъ приближавшимся къ Святому Граду!

Мы подѣзжали къ станціи.

Кошмары.

Самые заурядные люди переживаютъ невѣроятное во время такъ-называемыхъ кошмаровъ.

Что такое эти кошмары? Откуда возникаютъ эти ощущенія неизбѣжимаго ужаса? Во снѣ не вспоминаетъ ли душа своего существованія за гранью нашей сознательной жизни?

Не погружается ли она въ тотъ міръ пережитаго, изъ котораго вышла, рождаясь, и въ который вернется со смертью?

И не для того ли проводимъ мы третью жизнь въ усыпленіи, чтобы заранѣе приготовиться къ переходу въ область неземныхъ ужасовъ и восторговъ?

Въ юности мнѣ часто снилось, будто кто-то приближается къ моей постели. Я стараюсь повернуть голову, всмотрѣться въ надвигающееся, но не могу пошевелиться. Мнѣ дѣлается страшно. Это смерть пришла за мною. Чувство ужаса

смѣняется изнеможеніемъ. Я теряю ощущеніе своей тѣлесности, точно связь между всѣми клѣтками жизненныхъ тканей внезапно и безболѣзненно распалась. Сознаніе мое какъ бы окрывается, начинаетъ отдѣляться отъ моей оболочки. Съ высоты мое посинѣвшее лицо мнѣ кажется чужимъ, хотя и знакомымъ. Неподвижное, жалкое тѣло возбуждаетъ во мнѣ мимолетное состраданіе. Еще недавно любое волокно этой ветоши

У окопа 11-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка. По фот. авт. «Нивы».

Внутренній видъ лазарета лифляндскаго отряда Краснаго Креста, завѣдываемаго кн. П. П. Ливень и кн. М. П. Ливень (старшей сестрой милосердія лазарета) при разѣздѣ Эхо (вост.-кит. жел. дор.) на берегу рѣки Мадон-дзянь. По фот. авт. «Нивы».

могло причинить мнѣ нестерпимую боль. Теперь этого уже никогда не будет. Свѣтлое, легкое чувство полного освобождения переполняет мою душу. Я поднимаюсь все выше, безъ малѣйшаго усилия несусь въ прозрачное, голубое небо. Я лечу къ ласковымъ, фосфорическимъ звѣздамъ. И вся душа моя сливается съ этимъ плавнымъ подъемомъ. Кошмаръ понемногу переходитъ въ спокойное усыпленіе безъ грѣзъ и сновидѣній.

Теперь я переживаю иные кошмары. Я засыпаю тяжелымъ мертвымъ сномъ, содрогнувшись усталымъ измученнымъ тѣломъ. Никто не приближается ко мнѣ, и я не стремлюсь никуда. Я знаю, что стремиться некуда. Увѣренность въ этомъ не покидаетъ меня и во снѣ. Земля всегда пребываетъ на небѣ. Нѣтъ причинъ засматриваться туда. Никто не манитъ оттуда.

Предо мною, какъ черный океанъ, разстилается темная бездна. Весь разбитый, окровавленный, я ползу къ ней. Ползу

доползти, изнемогаю, снова напрягаю усилия,— и, вотъ, голова моя перевѣшивается за выступъ. Я опускаю туда же и руки. Силы окончательно покидаютъ меня. Ноги замерли и ооченѣли.

Медленно проносится передо мной вся моя жизнь. Обманувшія надежды кажутся мнѣ кощунствомъ судьбы надъ моею душою. Чувство непреодолимаго отвращенія къ себѣ и къ жизни переполняетъ мою душу отчаяніемъ и желчью.

Я вскрикиваю, всёмъ существомъ устремляюсь впередъ, чтобы вырваться изъ этого ада. И вдругъ—вокругъ меня и подо мною нѣтъ больше ничего. Беспросвѣтная тьма. Я падаю такъ быстро, что мысль моя не успѣваетъ за мною. Мнѣ кажется, что я неподвиженъ, только свистящій мракъ ураганомъ проносится мимо.

Я не чувствую больше тяжести своего тѣла. Но не чувствую себя и легкимъ. Нѣтъ никакого ощущенія. Я начинаю растворяться въ темнотѣ, въ неподвижности.

4-й сибирскій военно-санитарный поѣздъ. По фот. авт. «Нивы».

медленно, томительно долго. Наконецъ, рука моя нащупала край уступа. Я сбрасываю тяжелый камень. Мнѣ чудится звукъ удара. Неужели камень уже долетѣлъ? Нѣтъ, это стучитъ мое сердце. Ничто не отозвалось изъ бездны.

Мрачная рѣшимость охватываетъ мою душу. Я стараюсь

Еще мгновение, и у меня уже нѣтъ очертаній, нѣтъ никакой формы. Въ беззвучномъ, неподвижномъ мракѣ чуть мерцаетъ лишь мое догорающее сознание.

Вотъ гаснетъ послѣдній проблескъ мысли. Меня нѣтъ. Нѣтъ ничего: ни бездны, ни мрака.

Голь и Ницета.

Легенда Ж. Марибера.

Жилъ-былъ однажды въ маленькой деревушкѣ славный кузнецъ, по имени Голь.

Маленькій домикъ кузнеца, его единственное достояніе, стоялъ при самомъ въѣздѣ въ деревню; невзрачный фасадъ его совсѣмъ почернѣлъ отъ дыма кузницы; позади его приотился узкій палисадникъ, надъ которымъ широко раскинуло свои вѣтви одно единственное дерево, старая слива.

И Голь жилъ себѣ да поживалъ со своимъ вѣрнымъ товарищемъ, собакой Ницетой.

* * *

Разъ передъ кузницей остановились и сошли съ своихъ муловъ два незнакомца.

У того, что былъ помоложе, лицо, обрамленное бѣлокурой бородой, имѣло необычайно кроткое выраженіе; длинные каштановые волосы его шелковистыми прядями падали на воротникъ коричне-

ваго плаща. Его пожилой спутникъ, съ сѣдой бородой, имѣлъ видъ грубоваго-добродушный. Онъ-то и заговорилъ, отвѣчая на поклонъ кузнеца.

— Мулъ моего господина потерялъ подкову. Набей-ка намъ новую, чтобы добраться до города засвѣтло!

— Я къ вашимъ услугамъ,— вѣжливо отвѣтилъ Голь.— Но, пока я разожгу наковальню, окажите мнѣ честь отдохнуть у меня.

— Спасибо, дружище, мы не откажемся. — сказалъ путникъ съ сѣдой бородой.

Другой поблагодарилъ такой дивной улыбкой, что кузнецу показалось, будто въ его кузницѣ засіяло внешнее солнышко.

Въ то время, какъ онъ хлопоталъ около огня, приготовляя желѣзо, старшій изъ его гостей съ интересомъ разспрашивалъ его о его работѣ, прошедшей жизни и планахъ на будущее, а младшій, сидя въ старомъ соломенномъ креслѣ, слушалъ толковые отвѣты куз-

Витебскій подвижной госпиталь Краснаго Креста въ деревнѣ Давагань-пу. По фот. авт. «Нивы».

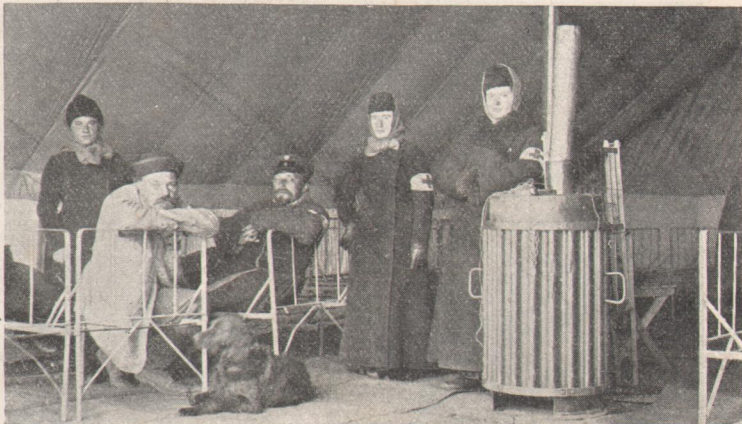
неца и не сводилъ съ него своихъ голубыхъ, сіявшихъ добротой, глазъ.

Когда мулъ былъ подкованъ, путники поднялись съ своихъ мѣстъ. Старшій вынулъ изъ кошелька, висѣвшаго у него на поясъ, вмѣстѣ съ связкою ключей, блестящую золотую монету и положилъ ее въ руку кузнеца.

— Это слишкомъ много,—пролетѣла совсѣмъ растерявшійся бѣднякъ.

Тутъ заговорилъ молодой путникъ, до сихъ поръ молчавшій; голосъ его былъ такъ же пріятенъ, какъ его лицо.

— Ты славный человекъ, Голь. Прими это золото, какъ вознагражденіе за твой трудъ; за гостеприимство же я воздамъ тебѣ особо, ибо я сказалъ, что тотъ, кто напоитъ жа-

Внутренній видъ госпитальной палатки витебскаго подвижнаго госпиталя Краснаго Креста.

По фот. авт. «Нивы».

старый, оставленный мнѣ отцомъ, кошелекъ, не могло выйти изъ него безъ позволенія.

— Хорошо!—сказалъ Христось съ глубокимъ вздохомъ.

И, грустный, Онъ сѣлъ на своего мула; за Нимъ двинулся и св. Петръ.

Оставшись одинъ и поразмысливъ надъ случившимся, Голь былъ недоволенъ собой. Онъ смутно сознавалъ, что его просьбы оскорбили Божественнаго Гостя, и находилъ теперь много-многожество другихъ желаній; исполненіе каждаго изъ нихъ

Группа витебскаго подвижнаго госпиталя Краснаго Креста. 1) Старшій врачъ К. О. Урбановичъ, 2) Хирургъ В. В. Парфеновъ. По фот. авт. «Нивы».

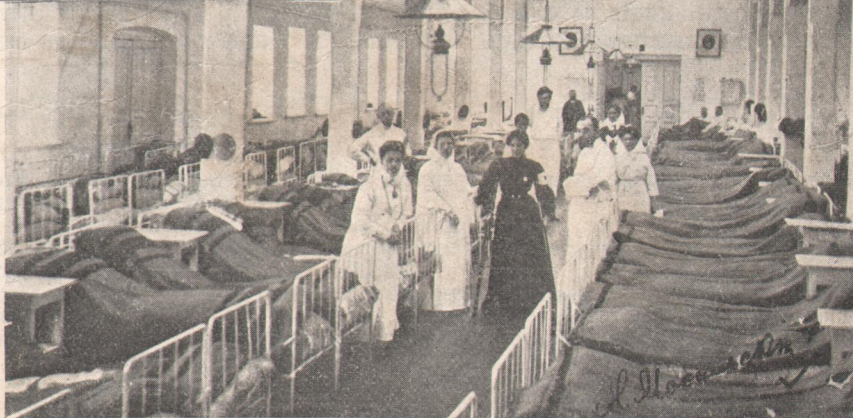
ждушаго или приметъ странника, получить отъ меня вѣчное воздаяніе... Проси у меня трехъ вещей, и твои желанія будутъ исполнены.

Въ эту минуту Голь увидѣлъ лучезарное сіяніе, исходящее отъ головы Того, Который говорилъ, и узналъ въ Немъ Иисуса Христа, путешествовавшаго съ апостоломъ Петромъ.

Нужно полагать, что честный Голь, вмѣстѣ съ добрымъ сердцемъ, имѣлъ мозгъ довольно-таки неповоротливый; вотъ каковы были его желанія:

— Прошу, о Господи, чтобы каждый, кто сидеть въ это кресло, съ котораго Ты только-что всталъ, не могъ встать съ него безъ моего позволенія.

Христось увидѣлъ въ этомъ желаніи дока-

Общій внутренній видъ бараконъ госпиталя отряда Иверской общины Краснаго Креста въ Харбинѣ. Въ центрѣ, въ черномъ платьѣ—раненая сестра милосердія А. А. Яковенко-Яковлева. По фот. авт. «Нивы».

было бы для него несравненно болѣе выгодно. Такъ какъ некого было винить въ сдѣланной глупости, кромѣ самого себя, то онъ чувствовалъ потребность сорвать на комъ-нибудь злобу. Подошедшая припадаться Ницета первый разъ въ своей жизни получила сильный ударъ сагогомъ въ бокъ и убѣжала съ жалобнымъ воемъ. Стыдясь своей грубости, Голь повернулся, чтобы подозвать бѣдное животное, какъ вдругъ увидѣлъ какое-то странное существо, сидѣвшее верхомъ на наковальнѣ и смотрѣвшее на него съ насмѣшливымъ видомъ.

— Ну что, другъ, тебѣ сегодня не поется?— сказалъ незнакомецъ.— Я часто слушалъ тебя съ удовольствіемъ, проходя мимо твоей двери, потому что голосъ у тебя хорошъ; но я не входилъ, зная, что люди, которые поютъ, рѣдко имѣютъ со мной дѣло... Я добрый чортъ, какъ ты видишь, и являюсь только тогда, когда въ моихъ услугахъ нуждаются. Итакъ, Голь, ты сегодня недоволенъ своей судьбой: ты гредишь о богатствѣ и довольствѣ. Я могу дать тебѣ все это; только подпиши этотъ договоръ, и въ

Группа выздоравливающихъ больныхъ и раненыхъ и персоналъ госпиталя Иверской общины въ Харбинѣ. Въ качалкѣ—сестра милосердія А. А. Яковенко-Яковлева. По фот. авт. «Нивы».

работы всего на полчаса. Посиди пока въ этомъ креслѣ и отвѣдай этой славной водочки, которую я захватилъ сюда нарочно для тебя

— Ладно, только поторопись,—сказалъ чортъ и сѣлъ въ кресло, причемъ скорчилъ такую гримасу, какъ будто подъ нимъ оказались иголки.

Голь возился вокругъ горна, раскаливая и заостряя конецъ желѣзной перекладины, а самъ не переставалъ шептать.

«Господи Исусе, помози!»

— А, вотъ ты какъ!—нетерпѣливо крикнулъ чортъ.—Бьюсь объ закладъ, что ты бормочешь какую-то молитву! Моментъ для этого выбранъ неудачно, куманекъ: ты подписалъ договоръ со мной, твоя душа принадлежитъ мнѣ. Ну, въ путь-дорогу!

Онъ хотѣлъ встать, но не могъ, словно пригвожденный къ креслу, а Голь, схвативъ съ наковальни раскаленный до

- 1) Попеч. общины кн. М. В. Барятинская, 2) ротм. А. В. Алексѣевъ (5-го Черн. др. п.), 3) г.-м. бар. Ребиндеръ (ком. 2-й бр. 3-го сиб. п.), уѣхавш. опять на Д. Востокъ, 4) кап. А. А. Черновъ (137-го Нѣжин. п.), 5) сестра-настоят. Е. Ф. Кудрявцева, 6) г-жа Бауеръ, 7) сестра Х. И. Андреева, 8) гл. врачъ В. В. Бурейко, 9) сестра Загладинокъ, 10) Лѣвовицкая, 11) Тампофольская 1-ая, 12) Эрганова, 13) С. В. Куриловъ (24-го в.-с. стр. п.), 14) г.-м. Дьяконовъ, завѣд. эвакуаціей раненыхъ въ Крымъ, 15) пор. Н. П. Бауеръ (Заамур. окр. отд. корп. погр. стражи), 16) прап. Б. Н. Домогацкій (122-го пѣх. Тамб. п.), 17) колл. ас. Ѳ. Н. Харитоновъ (8-го томск. сиб. пѣх. п.), 18) подпор. кн. М. Г. Гантимуровъ (21-го в.-с. стр. п.), 19) сестра Тарасенко, 20) кап. Н. Г. Александровъ (9-го в.-с. стр. п.), 21) г-жа Александрова, 22) сестра Покровская, 23) Тампофольская 2-ая, 24) Алевина, 25) шт.-к. Н. И. Сушкевичъ (12-го в.-с. стр. п.).

Ятинская община сестеръ милосердія и находящіяся на излѣченіи въ лазаретѣ при этой общинѣ больные и раненые офицеры, эвакуированные съ Дальняго Востока.

теченіе десяти лѣтъ ты будешь наслаждаться всѣми радостями жизни.

«Ба!—подумалъ Голь.—Десять лѣтъ—много времени!» И подписалъ.

Кузнецъ ошибался: время летитъ стрѣлой, когда его проводишь въ удовольствіяхъ. Десять лѣтъ прошли, какъ сонъ. Онъ отвѣдалъ всего и не пресытился ничѣмъ. Въ такомъ положеніи были его дѣла, когда въ одинъ зимній вечеръ онъ опять очутился въ своемъ домѣ. Пришла ли ему напоследокъ такая фантазія, или просто захотѣлось погрѣться, только онъ разжегъ кузнечный горнъ и занялся раскачиваніемъ длинныхъ полосъ желѣза. За этимъ занятіемъ и засталъ его сатана.

— Чудесно!—воскликнулъ онъ.—Вотъ ты и вернулся къ своему ремеслу. Будь спокоенъ: тамъ, куда ты за мною поспѣдешь, все напомнитъ его тебѣ; только не желѣзо, а ты самъ будешь частенько лежать между молотомъ и наковальней... Итакъ, милѣйшій, пришло время расчета!..

— Я не забуду его, дьяволъ, и потому захотѣлъ проститься съ домомъ покойнаго отца. Только мнѣ хотѣлось бы оставить его въ полномъ порядкѣ, а вотъ тутъ, смотри, неостаетъ двухъ перекладинъ у окна. Позволь мнѣ поставить новыя:

Лукашевичъ. Жуковъ. Старшая сестра Тоская. Скерская. Матусевичъ. Базанова.

Отрядъ сестеръ милосердія Георгіевской общины съ временнымъ командантомъ Жуковымъ, отправившійся 6 января 1905 г. на Дальній Востокъ въ 37-мъ сиб. военно-санит. поѣздѣ. По фот. авт. «Нивы».

красна брусъ, принялся изо всѣхъ силъ колотъ чорта его острымъ концомъ. Дьяволъ вылъ и рычалъ отъ боли и бѣшенства, а Голь знай себѣ дѣйствуетъ то одной, то другой рукой; тяжелый раскаленный брусъ леталъ вокругъ кресла, какъ какая-нибудь тросточка.

— Пощади! Сжался! — вопилъ сатана. — Чего отъ меня нужно, разбойникъ? Развѣ я не сдержалъ своего слова? Ай, ай! Чего ты еще хочешь? Говори скорѣе. Я все тебѣ дамъ, чего бы ты ни пожелалъ, только позволь мнѣ уйти!

— Ну, ладно же, — сказалъ Голь (у него уже начали уставать руки). — Дай мнѣ еще десять лѣтъ той хорошей жизни, какую я отвѣдалъ, а потомъ, когда ты придешь за моей душой, пусть это будетъ не зимою, — мнѣ хочется собрать плоды съ моего дерева и уйти изъ моего дома въ ясный солнечный день. По рукамъ?

— По рукамъ, — сказалъ чортъ. — Черезъ десять лѣтъ я опять приду, когда поспѣютъ сливы, и ты мнѣ заплатишь за твою скверную продѣлку, негодяй.

Онъ ушелъ, охая и оставляя за собой сильный запахъ горѣлаго мяса. А Голь снова отправился въ городъ поселиться.

Второй десяткомъ лѣтъ хорошей жизни прошель, пожалуй, еще скорѣе перваго, и въ одинъ прекрасный лѣтний вечеръ чортъ опять явился къ Голи. На этотъ разъ, изъ предосторожности, онъ взялъ съ собою, въ видѣ тѣлохранителей, шестерыхъ чертенятъ. Голь сидѣлъ подъ сливой.

— Добрый вечеръ, господинъ мой, — привѣтствовалъ чорта кузнецъ. — Я ждалъ тебя и даже, признаюсь, успѣлъ немного соскучиться. Въ послѣдние мѣсяцы я чувствовалъ уже пресыщеніе жизнью, и потому покину этотъ міръ безъ сожалѣній. Вотъ только дай написать завѣщаніе въ двѣ строчки, и я къ твоимъ услугамъ... Можетъ-быть, вамъ угодно по-пробовать моихъ сливъ? Онѣ совсѣмъ поспѣли, сочныя такія, красныя, — просто жаль ихъ оставлять; но сегодня мнѣ что-то не хотѣлось... Ваши маленькіе чертенята навѣрное съ удовольствіемъ ими полакомятся.

Жадность особенно свойственна чертямъ. Не заставляя себя просить, они вскарабкались на дерево, а за ними самъ ихъ начальникъ; попробовавъ одну изъ душистыхъ сливъ, онъ удобно усѣлся на толстомъ сукѣ, чтобы вдосталь насладиться.

«Ева была просто-напросто глупа, когда дала соблазнить себя яблокомъ, — размышлялъ онъ. — Сливы во сто разъ лучше, и я понимаю теперь, почему кузнецу такъ хотѣлось собрать ихъ въ послѣдній разъ».

Разсуждая такимъ образомъ, онъ протягивалъ свою мохнатую лапу къ вкуснымъ сливамъ.

— Вотъ эта чудесная, вотъ еще эта!

И онъ не замѣчалъ, какъ шло время, и не думалъ о томъ, что завѣщаніе кузнеца могло занять уже добрыхъ двѣ страницы.

Кузнецъ, между тѣмъ, не терялъ ни секунды; вмѣсто того, чтобы писать, онъ разжегъ свой горнъ и усердно накаливалъ длинный острый брусъ...

Когда желѣзный наконечникъ его покраснѣлъ, Голь со всѣхъ ногъ кинулся въ палисадникъ, потрясая брусомъ, отъ котораго сыпались искры, и громко хохоча.

— Ха-ха-ха! Господинъ дьяволъ опять далъ себя одурачить своему покорнѣйшему слугѣ! Ха-ха-ха! Вамъ нравятся мои сливы, и вы полагаете, что я даю ихъ даромъ! Дорого вы мнѣ заплатите за нихъ!

Приговаривая такъ, Голь не давалъ слынуть своей никѣ; напрасно чертенята взбирались на самыя высокія вѣтки, — они ни на минуту не переставали чувствовать ее... Они бѣгали, скакали, бѣсновались, но дерево ихъ не пускало, и они визжали, какъ стая дикихъ кошекъ. Самъ ихъ начальникъ не былъ пощаженъ.

— Эй, полно, Голь! — рычалъ онъ. — Ты хочешь еще десять лѣтъ?

Ай-ай! Ты ихъ получишь, разбойникъ, только отпусти насъ на волю!

Когда черезъ десять лѣтъ дьяволъ вернулся, Голь дѣйствительно уже усталъ отъ всѣхъ удовольствій. У него появились сѣдые волосы, а съ сѣдыми волосами серьезные мысли.

— Вотъ и я, — сказалъ дьяволъ, держась благоразумно на порогѣ. — На этотъ разъ мы уже шутить не будемъ.

— И мнѣ не до шутокъ, — подхватилъ Голь. — Я прекрасно вижу, что пришелъ мой конецъ. Но это пустяки; я все же могу похвалиться тѣмъ, что два раза знатно тебя одурачилъ. Вѣрите, что, когда при мнѣ заговаривали о твоёмъ могуществѣ, я только насмѣшливо пожималъ плечами: вѣдь твое могущество основано цѣликомъ на человеческой глупости.

— Ты такъ думаешь? — возразилъ задѣтый за живое чортъ. — Мнѣ

кажется, однако, что я показалъ тебѣ свое могущество, когда въ твой нищенскій кошелекъ посыпались дождемъ миллионы.

— Бездѣлица! — презрительно скрививъ ротъ, сказалъ Голь. — Сколько людей богатѣетъ безъ всякаго договора съ тобой, а кошелевки, я надѣюсь, нарочно для того и сдѣланы, чтобы принимать въ себя золото... Но въ этомъ старомъ кошелѣ, въ которомъ пребывали миллионы, я бы не совѣтовалъ побывать тебѣ...

Говоря это, онъ развизывалъ свой старый кожанный кошелекъ и насмѣшливо поглядывалъ на сатану.

Но если чортъ по натурѣ свой недовѣрчивъ, то прежде всего онъ гордецъ. Мысль, что кто-нибудь можетъ усомниться въ его могуществѣ, была для него невыносима.

— За этимъ дѣло не станетъ, — сказалъ онъ: — я принимаю твой вызовъ.

И однимъ прыжкомъ онъ юркнулъ въ кошелекъ, который Голь поспѣшно завязалъ.

— Ну, что, ты убѣдился? — спросилъ изнутри тоненькій, будто комариный, голосокъ.

— Конечно, конечно, сударь мой, — завѣрилъ съ беззвучнымъ смѣхомъ Голь. — Ты очень искусно

вошелъ въ кошелекъ, но самое трудное будетъ, вѣроятно, выйти изъ него!

И, положивъ кошелекъ на наковальню, онъ изо всѣхъ силъ принялся колотить по нему молотомъ.

— Довольно! Довольно! — ревѣлъ чортъ. — Ты хочешь еще десять лѣтъ? Ты ихъ получишь!

— Нѣтъ, сударь, не хочу ни десяти, ни двадцати; я требую, чтобы ты мнѣ вернулъ мою подпись.

— Никола! — крикнулъ дьяволъ. — Ты скоро устанешь колотить, надѣюсь?

— Когда я устану, я отдохну, но ты не выйдешь отсюда прежде, чѣмъ договоръ не будетъ разорванъ.

И Голь снова началъ ударять по кошелѣку молотомъ.

Чортъ сдался.

Когда договоръ былъ порванъ, Голь очутился такимъ же бѣднякомъ, какъ и раньше.

Онъ попробовалъ-было снова бодро приняться за работу, но уже былъ старъ; другой кузнецъ за время его отсутствія поселился въ деревнѣ и привлекъ всѣхъ клиентовъ. Скоро онъ увидѣлъ, что для него теперь невозможно добыть себѣ кусокъ хлѣба; старый домъ его разваливается, а слива засохла.

Голю жизнь окончательно сдѣлалась не мила. Взять онъ свою вѣрную, дряхлую теперь, Ницету и пошелъ стучаться въ двери рай.

— Тукъ-тукъ.

Въ полукрыльишемъ окошечкѣ показалось сердитое лицо святого Петра.

Японскій продовольственный складъ у Янтая. По фот. авт. «Нивы».

— Кто ты такой, любезный?

— Я тот бѣдный кузнецъ, у котораго вы, святой Петръ, подковывали однажды мула.

— Узнаю тебя. Это ты, несчастный, презрѣлъ мои совѣты и вмѣсто того, чтобы просить рая, предпочелъ завязать сношенія съ дьяволомъ. И ты еще осмѣливаешься стучаться въ эти двери?.. Ступай своей дорогой,— для тебя нѣтъ мѣста въ рай.

— Я принесу покаянiе, святой Петръ! — крикнулъ Голь.

Но окошечко уже закрылось.

Тогда онъ снова взялъ свою суму и пошелъ, въ горѣ, къ дверямъ ада; сухопарая Ницета слѣдовала по пятамъ за хозяиномъ. На стукъ Голи двери цекла широко распахнулись, и стоявшiе на часахъ чертенята, рогатые и мохнатые, приготовились уже схватить гостя; но, узнавъ въ немъ человека, который такъ дурно обошелся съ ними на деревѣ, они съ криками ужаса пустились отъ него вразсыпную. Тогда подошелъ, привлеченный шумомъ, самъ Сатана.

— Какъ, это ты?!— заревѣлъ онъ, скрежеща зубами.— Ты простираешь свои дерзостныя продѣлки до самаго моего царства!.. Вонъ отсюда, чудовище, и чтобы я тебя больше не видѣлъ!

Дверь захлопнулась передъ носомъ ошеломленнаго бѣдняка.

.... И вотъ почему Голь съ Ницетой, отвергнутые небомъ и

непринятые адомъ, продолжаютъ до сихъ поръ бродить по землѣ, ища пристанища и куска хлѣба.

Муза.

Картина М. Врубеля (на стр. 248).

На послѣдней выставкѣ картинъ «Союза русскихъ художниковъ» въ Петербургѣ появилось новое произведение талантливаго и

Сидятъ: 1) шт.-кап. Шибуевъ, 2) кап. Романовскій, 3) поручикъ Ташконовъ (раненый подъ Тюренченомъ), 4) управляющій Дворомъ Великаго Князя С. Н. Евреиновъ, 5) Великій Князь Александръ Михайловичъ, 6) Б. О. Якубовскій (командиръ яхты „Тамара“). Стоять: 7) Матросъ Козаневичъ (съ крейсера „Россія“), 8 и 9) адъютанты Великаго Князя Н. Ѳ. Фогель и В. А. Шателень, 10) полковникъ Дю-Прейль-Эшалларръ, 11) д-ръ А. Шафрановскій, 12) фрейлина С. Д. Евреинова, 13) лейт. А. В. Домбровскій (раненъ на крейсере „Россія“), 14) Великая Княгиня Ксенія Александровна, 15) мичманъ Заевъ (раненый на миноносцѣ „Выносливый“), 16) мичманъ баронъ Аминовъ (раненъ на крейсере „Россія“), 17) матросъ Бабичевъ (раненъ на крейсере „Громобой“). Великій Князь Александръ Михайловичъ и Великая Княгиня Ксенія Александровна со свитой и съ больными и ранеными воинами, находящимися на излѣченіи въ баракахъ, устроенныхъ Ихъ Императорскими Высочествами въ Ай-Тодорѣ (въ Крыму). По фот. А. Дранкина, авт. «Нивы».

несчастнаго художника М. Врубеля. Пять лѣтъ тому назадъ, на одной изъ выставокъ, его картина «Демонъ» произвела сильное, хотя и чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе оригинальной и смѣлой дерзости трактовкой сюжета. Картина была немедленно куплена за крупную сумму. Вслѣдъ за тѣмъ, въ публикѣ распространилось извѣстіе, что художникъ заболѣлъ тяжкимъ душевнымъ недугомъ. Впрочемъ, слѣды этого психическаго недуга можно было подмѣтить и въ его, такъ нашумѣвшемъ, произведеніи.

На нѣсколько лѣтъ больной художникъ долженъ былъ прекратить свою дѣятельность; поклонники его творчества не ожидали уже отъ него ничего новаго. Но вотъ на послѣдней выставкѣ выздоровѣвшій художникъ далъ новую картину—«Муза»—еще болѣе странную по замыслу художественнаго воплощенія. Его «Муза» — это вѣдь то же, что «Цвѣты зла» — Боделера: странныя, огромные, при-

Прибытіе раненыхъ въ Петербургъ. Карета съ носилками для перевозки въ госпиталь (боковая стѣнка кареты приподнята). По фот. К. К. Булла, авт. «Нивы».

Персональ первого летучаго отряда Краснаго Креста съ сестрами Харьковской общины Жуковой и Яковенко-Яковлевой на пути къ позиціи у Аньпинлинскаго перевала.

чудливые и страшные цвѣты. Да, «Муза» Врубеля — это цвѣтокъ зла, тяжелое благоуханіе котораго доводитъ до помраченія разсудка художника. Въ очахъ его «Музы» столько холоднаго безумія, въ ея лицѣ столько ледяной безпощадности, что жутко становится долго смотрѣть на эту смѣлую по мысли картину. Но мысли въ картинѣ много: вслѣдъ за художникомъ, поэтъ, композиторъ, со страстью отдающийся творчеству, находится въ желѣзныхъ тискахъ своей музыки; она владѣетъ его душой, его сердцемъ, его разсудкомъ; она требуетъ исключительнаго поклоненія, жертвъ, подчиненія себѣ и жестоко мститъ за измѣну. Такова именно муза Врубеля. Это — символъ большой музыки большого вѣка и, какъ символъ, полный значенія и мысли, картина эта, конечно, имѣетъ большое художественное значеніе. Въ настоящее время художникъ вновь забываетъ своимъ прежнимъ недугомъ и, повидимому, уже безвозвратно. Въ этомъ номерѣ мы воспроизводимъ эту послѣднюю картину выдающагося среди новыхъ талантовъ художника.

Отступление русской арміи.

(Отклики войны).

Конечные итоги февральскихъ боевъ очень тяжелы для насъ, но въ то же время не вполнѣ отрадны и для нашихъ враговъ.

Русская армія, обновленная въ своемъ командующемъ составѣ, все-таки ускользнула изъ разставленнаго японскими стратегами капкана и, отступая на сѣверъ, успѣла снова вырости и окрѣпнуть, усиленная новоприбывшими полками, и снова стала готовой къ борьбѣ, какъ послѣ Ляояна и Шаха.

Съ назначеніемъ главнокомандующимъ генерала Линевича, пользующагося огромною популярностью у солдатъ, въ дѣйствіяхъ отступающей арміи почувствовалась большая твердость и рѣшительность. Взрывы мостовъ и капитальное разрушеніе дороги, производимое русскимъ арьергардомъ, еще болѣе затрудняетъ преслѣдованіе. Уже въ первые дни послѣ Телина усталымъ полкамъ была дана дневка, указывавшая на отсутствіе непосредственной опасности. Получилась большая увѣренность въ собственныхъ силахъ, которая продолжала расти и укрѣпляться съ каждымъ днемъ по мѣрѣ концентрации силъ и подхода новыхъ подкрѣпленій. Судя по официальному подсчету всѣхъ отправленныхъ черезъ Харбинъ войскъ, сдѣланному главнымъ штабомъ, количество подкрѣпленій, способныхъ быстро возстановить армію Линевича и довести ее до прежняго состава, очень значительно. По компетентному удостовѣренію нашего официального военнаго органа, за 13 мѣсяцевъ войны по 27-е февраля текущаго года въ Харбинъ по желѣзной дорогѣ перевезено 13.087 офицеровъ, 761.467 нижнихъ чиновъ, 146.408 лошадей, 1.521 пушка и почти 20 миллионъ пудовъ разнаго военнаго груза. Цифры, поражающія своею грандіозностью и снимающія съ сибирской желѣзной дороги тяжкія нареканія въ бездѣятельности. Каждый день дорога въ среднемъ провозила до 2-хъ тысячъ солдатъ, т. е. около 1½—2 армейскихъ корпусовъ въ мѣсяцъ. вмѣстѣ съ мѣстными войсками, бывшими въ Манчжуріи до войны, это составитъ около 800 тысячъ солдатъ. Куда же дѣвались и какъ были распределены эти колоссальныя силы? Если даже отдѣлить около 200 тысячъ солдатъ на нестроевую службу, останется все-таки 600-тысячная армія. Изъ этого состава нужно выдѣлить тысячу по 50—60 на гарнизоны Владивостока и Портъ-Артура, значительныя силы, вѣроятно тысячу 30—40, были сосредоточены въ отрядѣ, оперировавшемъ въ сѣверной Корей; за вычетомъ этихъ силъ останется уже 440—450 тысячъ. Изъ нихъ на охрану дороги приходилось отдѣлить отъ 130 до 150 тысячъ человекъ, такъ что въ строю находилось собственно не болѣе 300—320 тысячъ. Несмотря на все совершенство санитарнаго состоянія арміи, забота о которомъ составляетъ безспорную и высшую заслугу генерала Куропаткина, изъ 800-тысячной арміи все-таки нужно положить извѣстный процентъ убыли на больныхъ и умершихъ. Опредѣливъ ихъ въ 10 или 20 тысячъ, нужно подсчитать потери ранеными, убитыми и попавшими въ плѣнъ. Тюренченъ, Вафангоу, Далинчэ, Далингъ, Ляоянь, Шахъ и, наконецъ, Мукденъ—стоили намъ огромныхъ жертвъ.

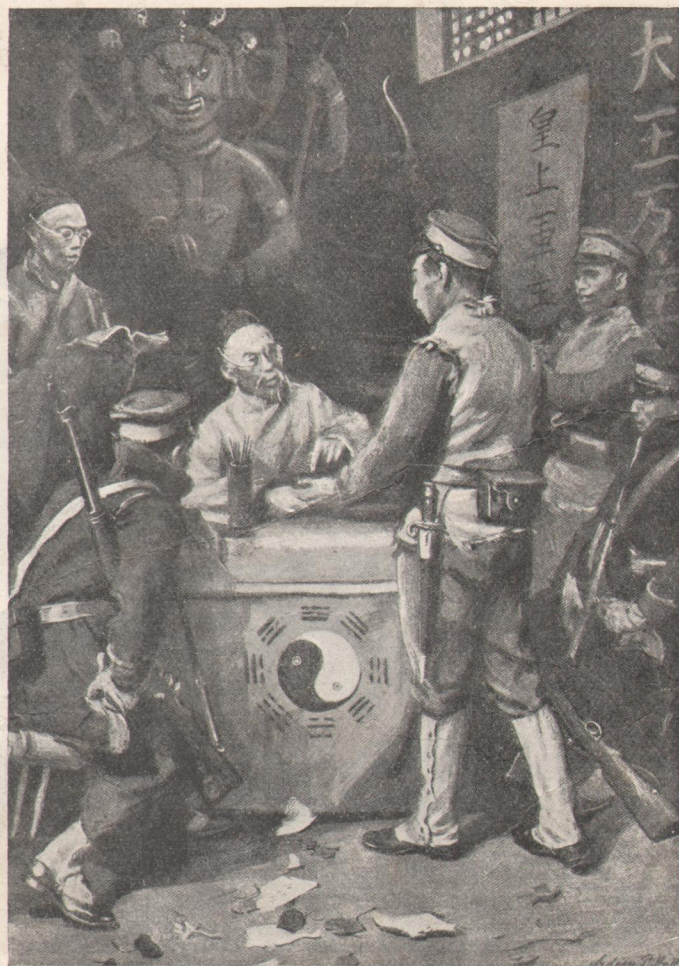
Подъ Тюренченомъ мы потеряли 8 тыс., подъ Вафангоу—14 тыс., подъ Ляоянь—около 20 тыс. (японцы около 50 тыс.), на Шахъ—свыше 43 тыс.; всего, не считая болѣе мелкихъ сраженій, около 85 тысячъ. Это—до Мукдена, численность русскихъ войскъ подъ которымъ не могла превышать 250—270 тыс. человекъ. Послѣднее сраженіе стоило намъ приблизительно около 60—70 тысячъ потерь, но, уже не говоря о притокахъ новыхъ полковъ, самое сокращеніе линій тыловой охраны при отступленіи на сѣверъ значительно пополняетъ боевой составъ арміи, тогда какъ преслѣдующій насъ противникъ, тоже въ значительной степени обезсиленъ понесенными потерями, которыя по официальному исчисленію въ послѣднемъ сраженіи доходять у него до 57 тысячъ убитыми и ранеными, поневолю растягиваетъ свои силы по удлиняющемуся тылу.

Какъ дорого достались нашимъ противникамъ мукденскія лавры, объ этомъ мы едва ли имѣемъ даже приблизительно представленіе. Официальные японскіе источники не очень склонны къ излишней откровенности, иностранные, преимущественно англійскіе, корреспонденты тоже о многомъ умалчиваютъ изъ высшихъ соображеній дружественной политики, но отдѣльные эпизоды и случайно срывающіяся признанія рисуютъ понемногу ужасную картину. Напр., со словъ японской газеты «Осака Миничи», корреспондентъ «Central News» описываетъ одинъ эпизодъ послѣдняго боя, закончившагося почти полнымъ уничтоженіемъ двухъ японскихъ полковъ, изъ которыхъ осталось въ живыхъ только 100 солдатъ.

По разсказамъ корреспондента «Daily News», счастливый исходъ мукденскаго сраженія для японцевъ одно время висѣлъ на волоскѣ. Главная драма разыгрывалась въ обходныхъ колоннахъ, направленныхъ противъ праваго русскаго фланга.

Критическій моментъ для японцевъ наступилъ въ ночь на 23-е февраля, когда генералъ Ноги, опасаясь, что его армія будетъ не въ состояніи выдержать напора русскихъ, обратился за помощью къ генералу Оку. Малая сравнительно армія Оку была сама занята боемъ, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ казалось, что весь планъ японцевъ постигнетъ неудача. Если бы русскіе прорвались на югъ сквозь правый флангъ арміи генерала Ноги, это кончилось бы для японцевъ погромомъ, такъ какъ русскіе оказались бы въ состояніи окружить всю порть-артурскую армію и уничтожить ее. Если бы они прорвались черезъ фронтъ, защищаемый генераломъ Оку, результатъ былъ бы приблизительно тотъ же самый.

Къ счастью японцевъ, оборона русскихъ носила недостаточно активный характеръ. Воспользовавшись бездѣятельностью и нерѣ-

Японцы у китайца-прорицателя. Рис. Вайтинга, авт. «Нивы».

шительностью противника, маршал Оку рѣшился на рискованный шагъ. Онъ отрядилъ изъ своей арміи дивизию и двинулъ ее въ подкрѣпленіе генералу Ноги.

Съ оставшимися у него дивизіями онъ бросился въ бѣшеную атаку противъ русскаго фронта. Однако, потерявъ тысячи людей, онъ все-таки не могъ прорвать русскаго расположения. Русскіе тогда бросились въ безумно-храбрую контръ-атаку, намѣреваясь прорвать фронтъ своего противника. Эта атака была неудачна, хотя во время ея было уничтожено почти поголовно два полка японцевъ. Въ то время, какъ отчаянная бойня происходила на югѣ отъ арміи генерала Ноги, онъ со своей арміей благодаря лишней дивизиі, посланной ему въ помощь генераломъ Оку, успѣлъ не только помѣшать русскимъ его отрѣзать, но, въ концѣ концовъ, занялъ линію полотна желѣзной дороги.

Последнее обстоятельство поколебало рѣшимость русскаго сопротивленія, побудило генерала Куропаткина отдать приказъ объ отступленіи и рѣшило участь боя не въ нашу пользу.

На этотъ разъ японцы широко использовали свою побѣду и въ теченіе нѣсколькихъ дней энергично преслѣдовали русскихъ, но вслѣдъ затѣмъ возрастающая энергія отпора со стороны русскихъ аррьергардовъ, разрушеніе мостовъ и начавшаяся весенняя распутица, а также необходимость собрать и обновить силы и боевые запасы—все это заставило японцевъ приостановить преслѣдованіе.

Въ теченіе почти двухъ недель мы уже стоимъ на мѣстахъ и не подвигаемся сѣвернѣе станціи Сы-пин-гай. Главныя силы генерала Линевича сосредоточиваются на укрѣпимыхъ позиціяхъ гдѣ-то въ районѣ ст. Гунжулинъ на р. Далиюхъ, надо думать—на сѣверномъ ея берегу, такъ какъ бурная по весеннему времени рѣчка въ тылу не представляетъ особыхъ удобствъ на случай возможнаго отступленія. Японскій натискъ на аррьергарды почти прекратился, и всѣ корреспонденты единодушно отмѣчаютъ наступленіе новаго періода затишья, предвѣщающаго въ будущемъ новыя кровавыя бури. Душу многихъ смущаютъ только настойчивые слухи о предпринимаемыхъ будто бы японцами глубокихъ круговыхъ обходахъ съ одной стороны на Гиринъ, а съ другой—на Бодунъ и Цицикаръ. Но самыя разстоянія отъ мѣста расположенія японскихъ силъ до названныхъ городовъ должны бы въ значительной степени разсѣять эти опасенія. Наиболее тревожный смыслъ настоящей минуты составляетъ для арміи вопросъ о продовольствіи, который грозитъ безконечно осложниться въ случаѣ оставленія нами сѣверной Манчжуріи.

Пока Гиринскій округъ и верховья рѣки Сунгари въ нашихъ рукахъ, прокормленіе арміи вполне обезпечено мѣстными средствами, но если намъ придется отступить за Харбинъ, то почти весь провіантъ нужно будетъ подвозить изъ Сибири, что значительно обезсилитъ работу желѣзной дороги по подвозу подкрѣпленій и снарядовъ. Пока никакихъ указаній на необходимость такого глубокаго отступленія нѣтъ, и можно надѣяться, что съ новымъ главнокомандующимъ русская армія сумѣетъ отстоять за собою необходимую для ея питанія населенную часть сѣверной Манчжуріи.

Г. Х. Андерсенъ. (Портр. на этой стр.)

Сто лѣтъ тому назадъ въ Даніи, въ небольшомъ приморскомъ городкѣ Одензе, родился знаменитый датскій писатель Хансъ Христианъ Андерсенъ, авторъ чудныхъ сказокъ, переведенныхъ рѣшительно на всѣ культурные языки.

Мы зачитывались его сказками въ дѣтствѣ, еще не понимая ихъ сокровеннаго смысла и увлекаясь ихъ внѣшней занимательностью, фантазійей, юморомъ. Мы перечитываемъ эти сказки и теперь, въ зрѣломъ возрастѣ, и, вмѣстѣ съ красотами языка и стили, наслаждаемся въ нихъ глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ, полнымъ то высокой и чистой поэзіи, то югцевой сатиры, то спокойной мудрой проникновенности въ человѣческую душу и въ житейскія отношенія.

21-го марта 1905 г. родной городъ Андерсена торжественно отпраздновалъ столѣтіе со дня рожденія своего знаменитаго земляка. Въ этотъ торжественный день датчане, обыватели Одензе, навѣрное, вспомнили одну изъ самыхъ трогательныхъ сказокъ Андерсена—«Безобразный утенокъ». Сказка эта—автобіографія. Какъ и въ этой сказкѣ, сто лѣтъ тому назадъ въ Одензе родился неуклюжій, никому неизвѣстный «утенокъ», Хансъ Андерсенъ, сынъ простаго бѣднаго сапожника. «Утенокъ» подвергался пинкамъ, насмѣшкамъ, презрѣнію, состоялъ въ рангѣ низшихъ существъ среди остальныхъ обывателей города, а потомъ... добрался до жизненнаго простора, развернулъ свои крылья и превратился въ великолѣпнаго лебедя, предъ которымъ съ восхищеніемъ преклонились всѣ его соотечественники, а за нимъ и люди другихъ странъ. Такова, въ сущности, сказка его жизни.

И дѣйствительно, рѣдко кому выпадаетъ на долю такая ска-

зочная житейская карьера, какая выпала на долю Андерсена. Онъ рано осиротѣлъ и нѣкоторое время чрезвычайно бѣдствовалъ, доходя до нищеты. Но позднѣе ему удалось найти покровителей въ лицѣ нѣсколькихъ интеллигентныхъ людей, которые доставили ему возможность получить образованіе—и бѣдный мальчуганъ, неожиданно самъ для себя, поступилъ въ гимназію, а затѣмъ и въ университетъ.

Дальнѣйшая судьба его была еще болѣе блестяща. Никому неизвѣстный молодой человѣкъ сталъ писать стихи и небольшіе рассказы—и, мало-по-малу, его имя и личность стали выходить изъ тумана безвѣстности. Поступивъ въ университетъ, Андерсенъ уже имѣлъ имя, какъ авторъ прелестнаго стихотворенія «Умирающей ребенокъ» и нѣсколькихъ рассказовъ. Съ этихъ поръ началась его плодотворная литературная дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ многочисленныя его путешествія. Молодой лебедь добрался до моря и поплылъ навстрѣчу свободѣ и славы...

Онъ побывалъ въ Италіи и во всей Западной Европѣ—и мало того, въ Малой Азіи и Африкѣ, и отовсюду привозилъ къ себѣ на родину богатый матеріалъ для своихъ произведеній. Лишь въ 1862 году онъ прекратилъ свои частые «вылеты» въ чужія страны и уже не выѣзжалъ изъ Копенгагена, гдѣ принималъ участіе во всевозможныхъ общественныхъ дѣлахъ и пользовался почетомъ и уваженіемъ, какъ именитѣйшій гражданинъ Даніи.

Андерсенъ скончался въ Копенгагенѣ, въ 1875 году, послѣ долгой и тяжелой болѣзни и послѣ долголѣтней и богатой содержаніемъ и трудомъ жизни.

Онъ писалъ не однѣ только сказки. Сказки составляютъ ядро его творчества и характерную особенность его дарованія, но онъ съ успѣхомъ выступалъ и съ произведеніями въ другихъ родахъ: онъ писалъ романы, пьесы для театра, очерки путешествій и стихотворенія. Изъ его романовъ пользуются большой извѣстностью: «Импровизаторъ», и нѣсколько меньше—«Петька-счастливецъ», «Быть или не быть» и романъ-автобіографія «Сказка моей жизни». Изъ болѣе мелкихъ произведеній, кромѣ сказокъ, извѣстны его «Исторія», «Книга картинъ безъ картинъ» и «Двѣ баронессы».

Но всѣ эти произведенія блѣднѣютъ предъ его замѣчательными сказками. Ими нельзя начитаться досыта—столько въ нихъ поэзіи, юмора и ума. Творческая фантазія играетъ въ нихъ огненнымъ ключомъ, вводитъ читателя въ совершенно особый міръ, куда простому смертному нѣтъ доступа, но гдѣ предъ волшебнымъ словомъ поэта падаютъ всѣ затворы и приподнимаются всѣ завѣсы. Люди, животныя, духи, неодушевленные предметы—все живетъ въ этихъ сказкахъ особю яркою жизнью, среди фантастической небывалой обстановки. И авторъ говоритъ обо всемъ съ такою простотою и естественностью, точно все это—самыя обыкновеннѣйшія вещи, и словно существованіе могильнаго холма, внутри котораго лѣсной царь и его дочери устраиваютъ ночной праздникъ, или визиты проказника Оле-лукъ-ой къ снѣжнѣмъ ребятишкамъ не возбуждаютъ для него никакихъ сомнѣній въ своей реальности. Оттого всѣ сказки Андерсена производятъ удивительно свѣжее и сильное впечатлѣніе.

При этомъ въ нихъ блещетъ чудесной яркостію и образный языкъ и живая «разговорная» форма изложенія. Юморъ, носящій въ нѣкоторыхъ сказкахъ черты добродушной веселости и безобиднаго подтруниванія, въ другихъ—достигаетъ силы и значенія истинной сатиры. Вспомнимъ сказки: «Свинопастъ», «Тѣнь» и, въ особенности, «Новое платье короля»—этотъ истинный шедевръ среди сатирическихъ сказокъ Андерсена. Въ этихъ крохотныхъ произведеніяхъ андерсеновской музы бьетъ ключомъ чисто-гражданское страстное негодованіе на ложь, неправду и глупость жизни. Великолѣпный описаній природы, поэтическія уподобленія и символы, народная мудрость въ видѣ острыхъ и мѣткихъ присловій—все это играетъ яркими радужными цвѣтами въ сказкахъ Андерсена на ряду съ идеями и образами высокой поэзіи и вмѣстѣ съ настроеніемъ вѣчно присущей человѣческому сердцу возвышенной скорби. Вспомнимъ сказку «Мать»—сказку, которую трудно читать безъ сердечнаго трепета при всей ея простотѣ и незамысловатости.

Въ Россіи сказки Андерсена выдержали много изданій. Лучшій переводъ ихъ въ настоящее время принадлежитъ А. и П. Ганзенъ—извѣстнымъ переводчикамъ съ датскаго, шведскаго и др. языковъ.

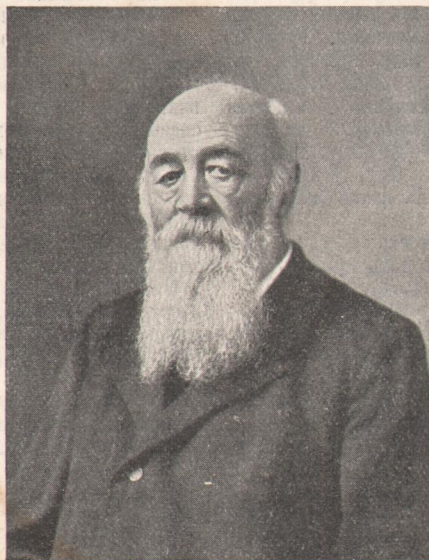
В. Е. Генкель. (Портр. на стр. 260).

Одинъ изъ ревностныхъ распространителей русской литературы въ Германіи, Василій Егоровичъ Генкель, празднуетъ 4-го апрѣля с. л. восьмидесятилѣтіе своей плодотворной жизни. Онъ родился въ Германіи, но воспитывался въ С.-Петербургѣ. Въ 1840 г. онъ поступилъ ученикомъ въ книжный магазинъ Шмиддорфа, потомъ работалъ въ Лейпцигѣ и С.-Галленѣ. Въ сороковыхъ годахъ онъ

Г. Х. Андерсенъ. По поводу столѣтія дня рожденія. По грав. Неймана авт. «Нивы».

сотрудничать въ лейпцигской «Illustrirte Zeitung» и издавалъ газету «Blätter für Bildung». Въ 1851 г. В. Е. Генкель вернулся въ Петербургъ и началъ издавать дѣтскія книги. Съ 1854 до 1861 г. онъ, какъ совладелецъ фирмы «А. Смирдинъ (сынъ) и К^о», завѣдывалъ издательскою частью этой фирмы и издалъ сочиненія Греча, графа Соллогуба, графини Ростопчиной, Губера, митрополита Никанора, стихотворенія Мея, В. Курочкина (Пѣсни Беранже), Плещеева, Прокоповича, Бенедиктова, «Библиотеку для дачъ», «Русскую Библиографію», «Русскій библиографическій листокъ» и многія другія книги. В. Е. ѣздилъ на нижегородскую ярмарку, въ Полтаву, Екатеринославъ, Харьковъ и Кіевъ для устройства правильныхъ сношеній съ провинціальными книгопродавцами. Съ 1861 г. В. Е., подъ своимъ именемъ, издавалъ «Сѣверное Сіяніе», «Русскій художественный альбомъ» съ копіями картинъ и рисунковъ исключительно русскихъ художниковъ, въ гравюрахъ на стали, «Живописный Сборникъ», «Иллюстрированное описаніе парижской всемірной выставки», «Библию въ лицахъ», календари, беллетристическія сочиненія Левитова, Гл. Успенскаго, П. Якушкина, Вс. Крестовскаго, К. Станюковича, П. Степанова, газету «Недѣля» съ художественнымъ листкомъ, и рядъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій. Въ 1861 г. В. Е. составилъ проектъ общества русскихъ издателей и книгопродавцевъ и созвалъ собраніе для обсужденія этого проекта, но дѣло это разстроилось, когда одинъ изъ членовъ избраннаго комитета, Серно-Соловьевичъ, былъ сосланъ. Въ 1872 г. В. Е.

В. Е. Генкель. По поводу 80-лѣтія дня рожденія. По фот. авт. «Нивы».

прекратилъ свою издательскую дѣятельность и работалъ нѣкоторое время у М. О. Вольфа. Въ 1878 году В. Е. покинулъ Россію и поселился въ Мюнхенѣ, гдѣ началъ заниматься переводами съ русскаго языка и сотрудничествомъ въ нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ. Плодомъ этой дѣятельности были, между прочимъ, переводы нѣкоторыхъ сочиненій Достоевскаго, Тургенева, Костомарова, Гаршина, Л. Н. Толстого, Потапенки, Полонскаго, Буренина, М. Горькаго, Чехова, Короленки и Стасова. Появленіемъ въ 1882 г. романа «Преступленіе и наказаніе» въ нѣмецкомъ переводѣ В. Е. Генкеля началось усиленное и широкое распространеніе русской литературы въ Германіи и вслѣдъ затѣмъ въ Франціи, Англии и другихъ странахъ Западной Европы.

В. Е. написалъ также нѣсколько статей въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, но главная его дѣятельность сосредоточилась въ болѣе, чѣмъ 500, статьяхъ о русской литературѣ, политикѣ, о художественныхъ, научныхъ, промышленныхъ, хозяйственныхъ, торговыхъ, финансовыхъ и другихъ русскихъ интересахъ, и въ рецензіяхъ книгъ, посвященныхъ русскимъ предметамъ въ слишкомъ 40 нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ. Имъ издано 29 отдѣльныхъ сочиненій въ 37 частяхъ. В. Е. состоитъ членомъ нѣмецкихъ обществъ «Allgemeiner-Schriftstellerverein», «Palm» и «Orion», и, несмотря на свой преклонный возрастъ, до сихъ поръ усердно продолжаетъ свою полезную дѣятельность.

Смѣсь.

Жетонъ Краснаго Креста. Состоявшій подъ почетнымъ предсѣдательствомъ великаго князя Сергія Александровича Комитетъ Краснаго Креста установилъ недавно особый жетонъ для выдачи тѣмъ лицамъ, кто сдѣлаетъ въ пользу Комитета пожертвованіе.

Жетонъ этотъ очень изященъ: онъ состоитъ изъ краснаго эмалеваго креста, украшеннаго на бѣлой эмалевой розеткѣ съ инициалами почившаго великаго князя Сергія Александровича и съ Императорскою короною надъ ними.

Жетонъ установленъ трехъ родовъ: серебряный, золотой и золотой съ алмазами. Правила полученія ихъ слѣдующія:

За пожертвованіе не менѣе 10 рублей выдается серебряный жетонъ, за пожертвованіе не менѣе 20 р.—золотой. Лицо, пожертвовавшее отъ себя лично не менѣе 200 р. или оказавшее особую выдающуюся пользу Комитету, получаетъ золотой жетонъ съ алмазами и зачисляется дѣйствительнымъ членомъ.

Кромѣ того: лицо, принявшее на себя трудъ по распространенію жетоновъ и доставившее Комитету одновременно не менѣе 100 р. отъ подписчиковъ на жетоны (вмѣстѣ съ именованъ ихъ спискомъ),

въ благодарность отъ Комитета получаетъ безвозмездно серебряный жетонъ и зачисляется на текущій годъ членомъ-соревнователемъ, а за доставленную при тѣхъ же условіяхъ сумму не менѣе 200 р.—получаетъ золотой жетонъ и зачисляется дѣйствительнымъ членомъ.

Ранѣе полученія пожертвованныхъ денегъ жетоны не высылаются. Всемъ жертвователямъ и сотрудникамъ, получившимъ жетонъ, выдается удостовѣреніе на право ношенія жетона. Пожертвованія и подписка на жетоны принимаются въ С.-Петербургѣ: 1) въ Маріинскомъ дѣтскомъ приютѣ (Архіерейская, д. 15) и 2) у члена правленія Комитета В. А. Толвинскаго (В. О., 12 линія, 31).

Напомнимъ нашимъ читателямъ, что Комитетъ Краснаго Креста имѣетъ цѣлю оказывать помощь семействамъ русскихъ воиновъ, пострадавшихъ на войнѣ. Помощь эта оказывается приемомъ сиротъ—дѣтей офицеровъ въ подѣдомственный Комитету «Маріинскій дѣтскій приютъ» и выдачею пособій семействамъ воиновъ, пострадавшихъ на войнѣ.

Въ виду этого, конечно, крайне желательна возможно широкая общественная помощь Комитету. Выдачей жетоновъ Комитетъ надѣется найти достаточныя для настоящаго тяжелаго времени средства.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Продолженіе).—Стихотвореніе кн. Ф. Косаткина-Ростовскаго.—Миніатюры. К. Льдова.—Голь и Ницета. Легенда Ж. Марибера.—Муза.—Отступленіе русской арміи. (Отъѣзды войны).—Г. Х. Андерсенъ.—В. Е. Генкель.—Смѣсь.—Заявленіе.—Объявленія.

РИСУНКИ: Письмо.—Навстрѣчу иконы.—Въ распутицу.—Муза.—Группа офицеровъ и добровольныхъ сестеръ милосердія, прибывшихъ изъ Портъ-Артура въ Одессу.—Георгіевскіе кавалеры—нижніе чины 2-го эскадрона приморскаго драгунскаго полка.—Георгіевскіе кавалеры—нижніе чины приморскаго драгунскаго полка.—Георгіевскіе кавалеры—нижніе чины 146-го царичинскаго полка.—Георгіевскіе кавалеры—нижніе чины барнаульскаго полка.—Праздникъ штаба 4-го сибирскаго корпуса въ д. Хуаньшань.—У окопа 11-го восточно-сибирскаго стрѣльцова полка.—Внутренній видъ лазарета лифляндскаго отряда Краснаго Креста.—4-й сибирскій военно-санитарный поѣздъ.—Витебскій подвижной госпиталь Краснаго Креста въ деревнѣ Давагань-пу.—Внутренній видъ госпитальной палатки витебскаго подвижнаго госпиталя Краснаго Креста.—Группа витебскаго подвижнаго госпиталя Краснаго Креста.—Общій внутренній видъ бараконъ госпиталя отряда Иверской общины Краснаго Креста въ Харбинѣ.—Группа выздоравливающихъ больныхъ и раненыхъ и персоналъ госпиталя Иверской общины въ Харбинѣ.—Ялтинская община сестеръ милосердія и находящаяся на излѣченіи больные и раненые офицеры, эвакуированные съ Дальняго Востока.—Отрядъ сестеръ милосердія Георгіевской общины съ временнымъ комендантомъ Жуковымъ.—Японскій продовольственный складъ у Янтая.—Великій князь Александръ Михайловичъ и великая княгиня Ксенія Александровна со свитой и съ больными и ранеными воинами, находящимися на излѣченіи въ баракахъ, устроенныхъ Ихъ Императорскими высочествами въ Ай-Толоръ (въ Крыму).—Прибытіе раненыхъ въ Петербургъ.—Персоналъ перваго летучаго отряда Краснаго Креста съ сестрами Харьковской общины Жуковой и Яковлеву-Яковлеву на пути къ позиціи у Аньпинлинскаго перевала.—Японцы у китайца-прорицателя.—Г. Х. Андерсенъ.—В. Е. Генкель.

Нъ этому № прилагаются: 1) «Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія» за апрѣль 1905 г., 2) «ПАРИЖСКОЕ МОДЫ» за АПРѢЛЬ 1905 г. съ 58 рис. и отдѣльн. листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 4 рис. вышиванія.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ журнала, Контора «Нивы» проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1905 г., озаботиться своевременными взносами подписныхъ денегъ, согласно условіямъ разсрочки.—Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

За издателя Л. Ф. Марксъ.

За редактора В. Я. Свѣтловъ.